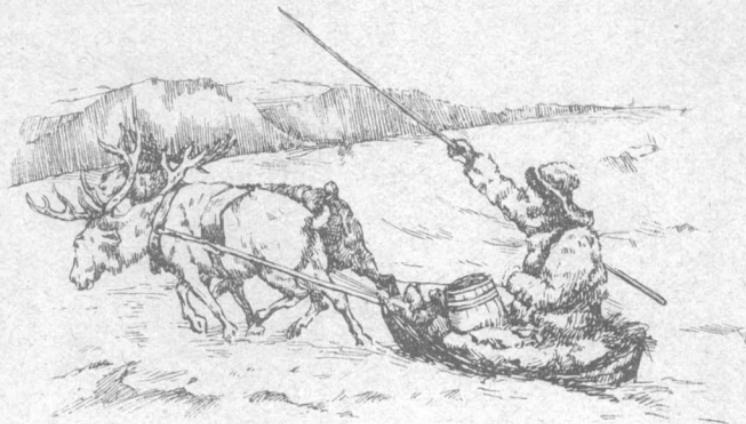

ОЦЗИ И ОЛЕСЬ

Разсказъ изъ жизни лопарей.

В. Н. Харузиной.

Съ 5 рисунками.

МОСКВА—1903.

ОЦЗИ и ОЛЕСЬ

Рассказъ изъ жизни лопарей.

В. Н. Харузиной.

Съ 5 рисунками.

Москва—1903.

Типографія Общества распростран. полезныхъ книгъ,
арендуемая В. И. Вороновымъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

Дозволено цензурою. Москва, 5 июля 1903 года.

261/803-

2007114067

Лопари—народъ финского племени. Они живутъ на сѣверѣ Швеціи и Норвегіи, а въ Россіи занимаютъ сѣверную часть Финляндіи и весь Кольский полуостровъ, называемый иначе Русской Лапландіей. Лопарей считаются всего 25,000 человѣкъ. Но изъ нихъ въ Россіи живетъ немного болѣе 3000: около 1200 въ Финляндіи и 2000 въ Русской Лапландіи.

Русскіе лопари—народъ полу-кочевой, полу-осѣдлый. Хотя они держать оленей, но не кочуютъ съ ними постоянно, какъ самоѣды. Главное ихъ занятіе не оленеводство, а рыболовство. Зимою они живутъ въ деревняхъ, которыхъ у нихъ называются *погостами*. Здѣсь каждая семья имѣеть свой теплый домъ (*тупа* или *пуртъ*). Это простой бревенчатый срубъ съ плоской крышей, засыпанной землей. Богатые лопари имѣютъ кое-гдѣ и русскія избы.

Съ наступленіемъ весны лопари покидаютъ свои погости, забираютъ свое имущество, своихъ оленей и переселяются къ озерамъ и рѣкамъ, гдѣ у каждой семьи есть свое мѣсто рыбной ловли. Здѣсь у нихъ имѣются другія, лѣтнія жилища, называемыя *вѣжами*. Вѣжа похожа на шалашъ. Она дѣлается изъ жердей и сверху покрывается хворостомъ и дерномъ. Поль вѣжи устилается березовыми вѣтками. Въ срединѣ устроены очагъ, дымъ отъ котораго выходитъ черезъ отверстіе наверху вѣжи.

Олени лѣтомъ не нужны лопарямъ. Ихъ отпускаютъ на волю на все лѣто, и они свободно пасутся на кегорахъ, т. е. горахъ, покрытыхъ ягелемъ.

Въ теченіе весны, лѣта и осени лопари нѣсколько разъ мѣняютъ свое мѣстожительство, переходя въ тѣ мѣста, гдѣ въ какое время года встрѣчается больше рыбы. Въ каждомъ такомъ мѣстѣ они находятъ готовую вѣжу. Но мѣста эти часто лежать далеко одно отъ другого и требуютъ нѣсколькихъ дней пути. Поэтому во время перекочевки лопари устраиваютъ себѣ еще особый родъ жилища — *куваксу*. Кувакса состоитъ изъ наклонно поставленныхъ жердей, которыхъ связаны вмѣстѣ на верху и обтянуты грубою парусиной на двѣ трети высоты, чтобы оставалось большое отверстіе для дыма.

Перекочевки съ одного мѣста на другое, особенно въ весеннюю распутьцу или въ осеннюю непогоду, сопряжены для лопарей съ огромными затрудненіями. Какъ ни выносливы они, однако болѣзни не щадятъ ихъ. А между тѣмъ необходимость поспѣвать во время на мѣсто промысла заставляетъ ихъ не щадить при переходахъ ни больныхъ, ни дѣтей. Лопари вообще отличаются мягкимъ характеромъ; они любятъ дѣтей и ласково обращаются съ ними. Однако, если они заболѣютъ на пути, лопарь не можетъ ждать и оставаться на мѣстѣ ради одного больного. Лопарь жалѣть больного, но опоздай онъ на промыселъ, тогда вся семья останется безъ пищи на зиму. И вотъ приходится тяжелыхъ больныхъ везти съ собой въ непогоду, по отчаянной дорогѣ, и часто они не переносятъ трудностей пути и умираютъ. Или же больного укладываютъ одного въ вѣжѣ, оставляютъ ему немного пищи и воды и покидаютъ его на произволь судьбы. Поправится онъ — тогда самъ догонитъ семью; умреть — родные горюютъ по немъ, но иначе они не могли поступить при своемъ полу-кочевомъ образѣ жизни.

Въ началѣ зимы, когда снѣгъ уже покроетъ землю, лопари при помоши собакъ разыскиваютъ своихъ оленей и снова возвращаются въ свои погосты. Зима — лучшее время для лопарей. Ониѣздятъ другъ къ другу въ гости, справляютъ свадьбы и часто, собравшись вмѣстѣ, рассказываютъ другъ другу сказки и бывальщины. Они любятъ также сочинять пѣсни, въ которыхъ обыкновенно передается то, что было, что случилось съ кѣмъ-нибудь изъ лопарей. Зимой они занимаются также охотой.

Лопари уже давно приняли христіанство. Но до сихъ поръ сохранились у нихъ слѣды язычества въ ихъ многочисленныхъ суевѣряхъ и обрядахъ. Когда-то прежде лопари олицетворяли силы природы и поклонялись имъ, какъ богамъ. У нихъ былъ богъ солнца — *Пейве*, который каждый день обѣзжалъ свои небесныя владѣнія на медвѣдѣ и оленѣ. Былъ также богъ грома — *Айеке*, вооруженный лукомъ — радугой, который гонялся за нечистой силой, прятавшейся отъ него въ озерахъ, рѣкахъ и горахъ. Были также подземные божества, которые жили въ подземномъ царствѣ, куда шли души умершихъ людей. Всѣ рѣки, озера, горы были, по ихъ вѣрованіямъ, населены добрыми и злыми духами, которые могли благодѣтельствовать или вредить людямъ. Были у нихъ также священные камни или сейды, которымъ они поклонялись и приносили жертвы: мазали ихъ рыбьимъ жиромъ, рѣзали передъ ними оленей, — и которые будто бы помогали имъ на охотѣ и рыбной ловлѣ.

У лопарей еще до сихъ поръ сохранилась вѣра въ колдуновъ или такъ называемыхъ нойдовъ (шамановъ). Къ нойдѣ обращаются въ случаѣ какого-нибудь несчастія, напр., болѣзни или пропажи. Для своихъ гаданій нойда употребляетъ бубень, увѣшанный разными погремушками и расписанный разными знаками и фигурами. Онъ ударяетъ по бубну, пляшетъ и поетъ до тѣхъ поръ, пока не впадаетъ въ изступленіе и падаетъ на

землю безъ памяти. Въ это время, по мнѣнію лопарей, душа нойды покидаетъ его тѣло и совершаеть далекія странствованія, чтобы разузнать все, о чмъ проситъ обратившійся къ нему: отъ чего заболѣлъ человѣкъ и что надо сдѣлать для его излеченія, у кого находится пропавшая вещь и, наконецъ, какую жертву надо принести божеству. Все это и возвѣщаетъ нойда, когда придетъ въ себя.

Нельзя сказать, что всѣ нойды обманщики. Въ сущности это люди въ высшей степени нервные и страдающіе частыми припадками. По мнѣнію лопарей, боги еще съ дѣтства выбираютъ себѣ на служеніе нойду. Если ребенокъ—мальчикъ или дѣвочка—отличается странностями, часто задумывается и страдаетъ припадками, то это значитъ онъ избранъ богами. Такой человѣкъ отправляется къ извѣстному и искусному въ своемъ дѣлѣ нойдѣ и становится его ученикомъ. Здѣсь онъ путемъ долгихъ и тяжелыхъ упражненій развиваетъ въ себѣ способность доводить себя до припадковъ и со временемъ самъ начинаетъ вѣрить въ свою чудодѣйственную силу.

B. Л.

ОЦЗИ И ОЛЕСЬ *).

Рассказъ изъ жизни лопарей.

I.

авнымъ давно жили-были на свѣтѣ маленькая Оцзи и маленький Олесъ **). Жили они въ крохотной вѣжѣ ***), на берегу небольшой порожистой рѣчки, со старой

бабушкой, и не было у нихъ никого больше на всемъ свѣтѣ. Бабушка ходила въ лѣсъ рубить дрова, рѣзала березовыя вѣтки для постилки пола, ловила въ рѣчкѣ рыбу,—кормила себя и ребятъ.

*) Рассказъ этотъ первоначально былъ напечатанъ въ журналѣ „Родникъ“ 1898 г.

**) Лопари носятъ русскія имена, но искажаютъ ихъ на свой ладъ. Оцзи есть искаженное русское имя Евдокія, а Олесъ—Александръ.

***) Вѣжа называется лѣтніе жилище лопарей. Вѣжа похожа на шалашъ. Она дѣлается изъ жердей, которыя сверху покрываются хворостомъ и дерномъ.

— Охъ-охъ-охъ! — вздыхала бабушка, — стара я стала, насилиу хожу. Хоть бы прибрались на покой мои старыя кости. Да на кого я оставлю васъ, сиротъ малыхъ? На кого оставлю маленькаго Олеса?

А Оцзи говоритъ:

— На меня, бабушка: я старше.

— Глупая ты, глупая, сама-то велика! — говоритъ старуха.

Но пришелъ желанный конецъ старой бабушки, успокоились ея старыя кости. И остались маленькая Оцзи и маленький Олесь одни на бѣломъ свѣтѣ.

— Что же намъ дѣлать теперь? спросилъ Олесь.

— Пойдемъ людей искать, говоритъ Оцзи. — Гдѣ-нибудь да живутъ другіе люди, и мы будемъ жить съ ними.

И пошли братецъ съ сестрицей, куда глаза глядятъ.

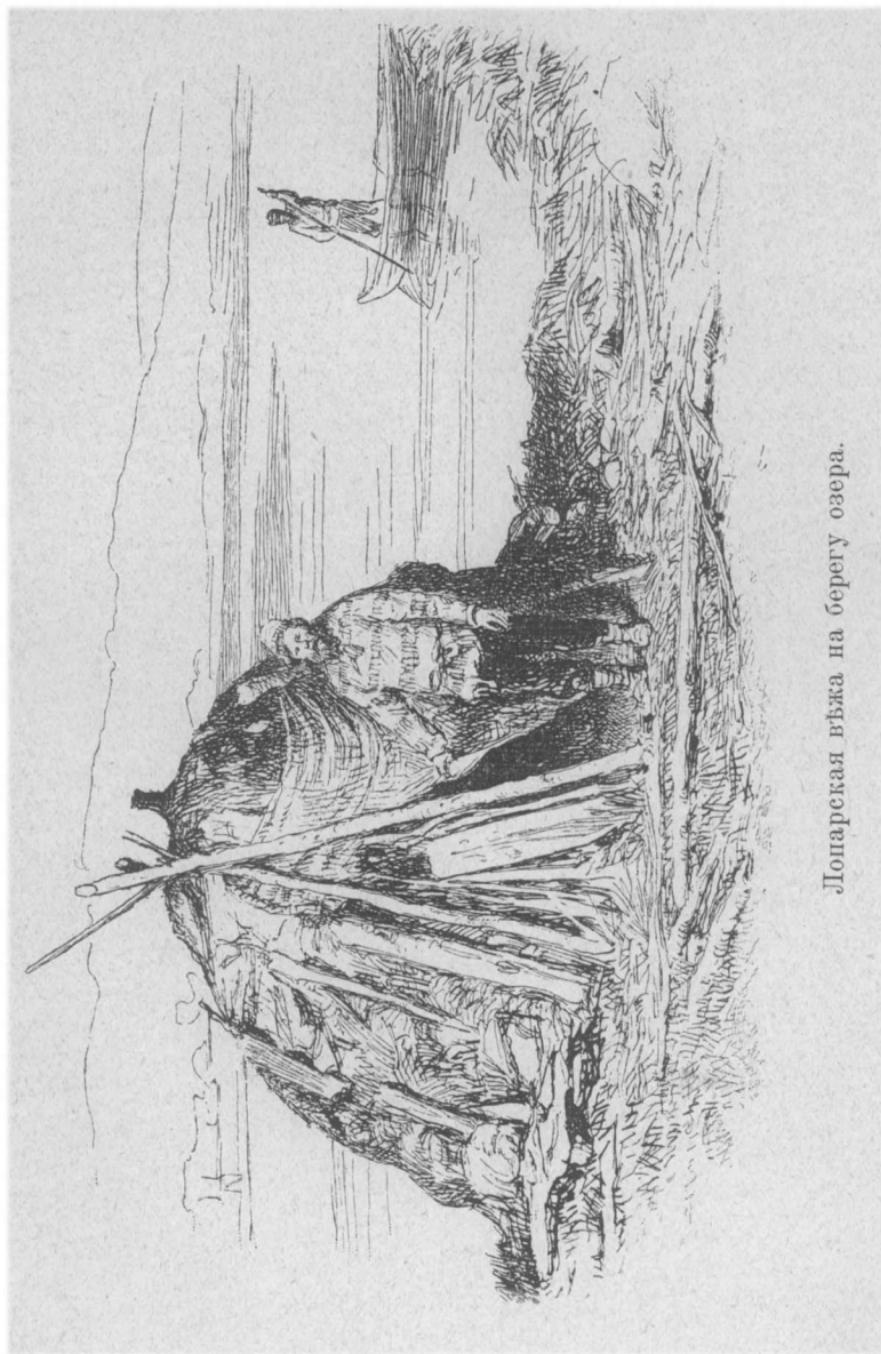
Шли они шли, а все не видать конца лѣсу.

Толпятся кругомъ высокія сосны; качаются, шумятъ зеленые верхушки, а подъ ногами шуршить сухой бѣлый ягель. *)

— Милый Олесь, — сказала наконецъ Оцзи: влѣзъ на дерево, посмотри, не видно-ли гдѣ дымочка.

Мальчикъ полѣзъ на сосну, посмотрѣлъ во всѣ стороны.

*) Ягель или „оленій мохъ“ — одинъ изъ лишайниковъ, который особенно любятъ сѣверные олени.

Лопарская въжка на берегу озера.

— Ничего не видно, сестрица

— Пойдемъ дальше, —говорить Оцзи,—а тамъ опять посмотришь.

Но Олесь усталъ, и ему не хотѣлось итти.

Стала его уговаривать Оцзи:

— Пойдемъ еще немного, Олесь: можетъ-быть, скоро найдемъ людей.

Взяла она его за руку, повела, чтобы ему легче было итти; но у мальчика еле плетутся ноги.

— На, возьми, пойши, говоритъ Оцзи. Она достала изъ берестяного кошеля ржаную лепешку *), которую взяла съ собой на дорогу (еще бабушка пекла).

А солнышко уже садится. Побѣлѣло небо, и разлился вокругъ ровный свѣтъ блой сѣверной ночи.

— А вдругъ медвѣдь придетъ и сѣсть насъ, —сказалъ Олесь.

Оцзи и сама дрожитъ. Про медвѣдей и волковъ она совсѣмъ позабыла, а теперь, когда братецъ напомнилъ, ей стало страшно. Да и жутко одной съ маленькимъ Олесомъ. Въ лѣсу потемнѣло. Сосны тихо шумятъ, точно все переговариваются о чёмъ-то между собой.

— Охъ, боюсь, боюсь, сестрица,—говорить Олесь, —вернемся лучше въ свою вѣжу.

*) Лопари мало ёдятъ хлѣба, а вместо него они пекутъ ржаныя лепешки. Бѣдные лопари примѣшиваютъ къ ржаной мукѣ высушенную и мелко истолченную сосновую кору.

— Олесь, милый Олесь, зачѣмъ же намъ возвращаться? Вѣдь мы людей пошли искать. Что мы будемъ дѣлать съ тобой одни въ вѣжѣ?

А Олесь все твердитъ свое:

— Вернемся назадъ. Мы затворимъ дверь, завалимъ ее камнями,— никто къ намъ не придетъ. Тамъ огонь горитъ—тепло отъ него.

— Милый Олесь,—говорить Оцзи,—огонь на очагѣ теперь, навѣрное, погасъ, а мы съ тобой огня добывать не умѣемъ. Не бойся, не бойся, братецъ мой милый. Лягъ тутъ, засни у меня на колѣняхъ.

Уложила она Олеса возлѣ себя, голову его взяла къ себѣ на колѣни, гладить ему волосы, расправляетъ ихъ.

— Холодно мнѣ,—говорить мальчикъ.

Сняла съ себя кофту маленькая Оцзи, сняла передникъ, прикрыла Олеса. Заснуль скоро братецъ.

Маленькая Оцзи сидѣть около него, все гладить его волосы, его щеки. А самой ей холодно и жутко. Озирается она по сторонамъ, да ничего не видно кругомъ. Ползетъ сырой бѣлый туманъ между деревьями, пробирается къ дѣвочкѣ. Задремала она, наконецъ, упала ея голова на грудь, а потомъ она и сама скатилась на землю, обхватила сонными руками братца, да такъ и заснула, крѣпко-крѣпко обнявшись съ нимъ.

Встало солнце раннимъ утромъ, разбудило лѣсь, прогнало туманъ и засіяло на ясномъ голубомъ небѣ.

Проснулась Оцзи, посмотрѣла на небо, а солнышко уже высоко.

— Вставай, вставай, Олесь! — будить дѣвочка братца. — Пойдемъ дальше скорѣе, быть-можеть, и найдемъ мы сегодня людей.

Всталъ Олесь заспанный, протираетъ глаза.

— Я Ѣсть хочу, — говоритъ.

Вынула Оцзи изъ кошеля двѣ лепешки, дала ему одну, другую сама съѣла.

Олесь съѣлъ свою лепешку и говоритъ:

— Я еще хочу.

— Погоди, милый Олесь, — говоритъ Оцзи, — вѣдь у насъ осталось всего одна лепешка. Если потомъ намъ захочется Ѣсть, что мы тогда будемъ дѣлать съ тобой?.. Пойдемъ лучше, поищемъ, нѣтъ-ли тутъ гдѣ-нибудь ягоды.

— Ну, ужъ гдѣ тутъ ягоды? — безнадежно говоритъ Олесь.

— Пойдемъ дальше, — говоритъ Оцзи, — можетъ-быть, и найдемъ.

Пошли они дальше, и точно: разступился лѣсъ, раздвинулся немнога, и сейчасъ же тутъ залегло болото. Морошка*) поднимаетъ кверху свою желтую головку; голубика разрослась голубымъ ковромъ; а дальше, гдѣ посушѣе, стоитъ щетинистая вороника, вся обсыпанная ягодами, точно крупнымъ чернымъ бисеромъ.

*) Морошка — желтая, похожая на малину, ягода, растущая всюду на сѣверѣ, въ сырыхъ мѣстахъ.

Поѣли братецъ съ сестрицей и пошли дальше. А солнышко все выше и выше; ужъ и припекать начало порядочно.

Опять говоритъ Олесь:

— Сестрица, дай мнѣ лепешку: мнѣ Ѵсть хочется.

— Потерпи, братецъ мой милый, всего одна лепешка у насъ осталась. Мнѣ и самой Ѵсть хочется.

Прошли они немного, а Олесь и говоритъ:

— Не могу я дальше итти. Не пойду! — и бросился на бѣлый ятель.

Тутъ ужъ Оцзи не выдержала и залилась горькими слезами.

— Олесь, милый Олесь, что ты со мной дѣлаешь? Если мы останемся одни тутъ, мы умремъ съ тобой.

— Что жъ, и умремъ, говоритъ Олесь.

— Олесь, пойдемъ дальше: мы людей, навѣрное, найдемъ гдѣ-нибудь. На тебѣ нашу послѣднюю лепешку. Поѣшь,—силь у тебя прибавится.

Взялъ Олесь лепешку, сталъ уписывать за обѣщеки. Сѣвъ половину, а другую протянулъ Оцзи:

— Вѣдь и тебѣ Ѵсть хочется.

Обрадовалась Оцзи: и ее уже давно томилъ голодъ, но она не хотѣла говорить обѣ этомъ.

Подкѣрѣпились они, пошли дальше. Повечерѣло уже. Стало солнышко на покой собираться. И думаетъ Оцзи: «Если мы сегодня или завтра не найдемъ людей, мы умремъ съ голоду».

И вспомнилась Оцзи бабушка, какъ она ихъ поила, кормила въ своей вѣжѣ, какъ на ночь укладывала спать, покрывала теплой оленьей шкурой. Захотѣлось заплакать Оцзи, да удержалась она, чтобы Олесь не увидалъ.

Вдругъ слышать они, точно вдали вода тихо журчить, переливается.

— Слышишь, сестрица,— говоритъ Олесь,— пороги вдали шумятъ: это рѣка, навѣрное, по порогамъ бѣжитъ.

— Хоть напиться-то можно будетъ, думаетъ Оцзи.

Пошли они бодрѣе, точно ноги ихъ сами несутъ. Шумъ все растетъ и растетъ. Ужъ слышно, не журчитъ, не плещеть рѣка, а бѣжитъ, скачетъ по острымъ камнямъ, бурлитъ и шумитъ, точно сердится. Вотъ и свѣжестью повѣяло, а шумъ все грознѣй. Вотъ разступились деревья. Крутой берегъ падаетъ къ самой рѣкѣ.

Сѣжали дѣти внизъ, приникли къ водѣ, пьютъ пригоршнями. Кажется имъ, что они никогда еще не пили воды слаше этой.

Въ томъ мѣстѣ рѣка круто заворачивала и на другомъ берегу оставляла большой и широкій плесъ. Поглядѣли въ ту сторону дѣти, а глядѣ, тамъ вѣжа стоитъ, курится.

— Олесь, Олесь, тамъ люди живутъ, говоритъ Оцзи и цѣлуется, и обнимаетъ брата.

Только людей не видать никого; но видно, что

живутъ: дымокъ не даромъ идетъ, и лодки на берегу и сѣти развѣшаны просушиваться.

— Давай, покричимъ имъ, сестрица, говоритъ Олесь.

Начали они кричать, да голоса у нихъ слабые, дѣтскіе, и заглушаетъ ихъ шумъ пороговъ. Но на счастье ихъ вышла изъ вѣжи женщина лопарка, посмотрѣла невзначай на тотъ берегъ и увидала ихъ. Стало дѣти еще громче кричать, махать руками.

Догадалась, вѣрно, женщина, пошла къ карбасу*), отвязала его, стала направляться на тотъ берегъ. Переѣхала рѣку, спрашивается:

— Откуда вы?

— Жили мы съ бабушкой,— отвѣчала Оцзи,— далеко отсюда, на берегу рѣки. Бабушка у насъ умерла, и остались мы одни на всемъ свѣтѣ. Вотъ мы и пошли людей искать.

Лапарка.

*) Карбасъ—лодка.

— Ахъ вы, сироты, сироты,—говорить лопарка.

Посадила она ихъ въ карбасъ и поѣхала назадъ. Привязала женщина карбасъ и повела ихъ въ свою вѣжу. А тамъ вокругъ очага сидятъ люди, грѣются, єдятъ изъ котла уху и закусываютъ ржаными лепешками.

— Вотъ,—говорить женщина,—дѣти малые, сироты. У нихъ бабушка умерла, и они одни теперь остались на бѣломъ свѣтѣ.

— Пусть поживутъ у насть,—говорять люди,—ко-ли никого у нихъ нѣту. Садитесь къ котлу и поѣшьте.

Дали Оцзи и Олесу рѣзныя ложки изъ оленьей кости хлебать уху. Поѣли они, а глаза у нихъ уже слипаются.

Уложила ихъ женщина на полу на березовыя вѣтки, прикрыла ихъ. А сама говоритъ мужу:

— Дѣтей у насть нѣту—пусть будутъ у насть замѣсто дѣтей.

— Ладно,—говорить лопарь,—отчего же намъ и не взять ихъ?

II.

Стали Оцзи и Олесь жить въ вѣжѣ у лопаря
съ лопаркой. Жилось имъ хорошо и привольно.
Полюбили ихъ названные родители, и они привязались
къ нимъ.

Шли дни за днями. Ночи стали темнѣе. Солнышко
раньше стало заходить за горы, и звѣзды раньше
выпливали блестящей вереницей на темный сводъ
небесъ. Съ каждымъ днемъ онъ становились ярче,
потому что съ каждымъ днемъ ночи становились
темнѣе. Днемъ небо обыкновенно было ясное и про-
зрачное, но осенний холодъ стоялъ въ воздухѣ. Потомъ
пришли длинные безотрадные дожди, потомъ стали
опять морозные ясные дни; но они дѣлались все ко-
роче и короче. Лопарка уже давно сшила дѣтямъ
теплую одежду.

И вотъ однажды въ вѣжѣ стало какъ-то особенно
свѣтло. Въ дымовое отверстіе глядѣло ровное сѣре
небо, но съ молочнымъ отсвѣтомъ. Дѣти вылѣзли
изъ вѣжи—кругомъ лежалъ снѣгъ.

Лопарь созвалъ своихъ собакъ и пошелъ съ ними
въ лѣсъ. Онъ взялъ съ собой и Олеса. Они шли очень
долго. Вездѣ, въ лѣсу, на тундрѣ лежалъ не глубо-
кій еще, чистый, ярко-блестящій снѣгъ. Они подня-

лись на высокие кегоры*). Какъ тамъ было хорошо! Холодный воздухъ пощипывалъ и румянилъ щеки. Дышалось легко. Небо казалось ближе. А внизу стоялъ лѣсъ, и на вѣткахъ бѣлыми пятнами лежалъ снѣгъ. Рѣка казалась черной въ сиявшихъ ослѣпительной бѣлизной берегахъ. Она бурлила, катясь по порогамъ, и ключья бѣлой пѣны взрывались на камняхъ. Вѣжа ихъ, тамъ на берегу плеса, казалась крохотной. Красная точка около воды, и она движется,—да это красная перевязка **) Оцзи!

На кегорахъ пушистымъ ковромъ ростъ оленій мохъ. Мѣстами лежалъ снѣгъ, мѣстами его сдулъ вѣтеръ. Лопарь смотрѣлъ пристально на землю; искали чего-то и собаки. Наконецъ, онъ напали на слѣдъ своихъ оленей. Собаки взвились съ мѣста и съ громкимъ лаемъ понеслись въ разные стороны. Черезъ нѣсколько времени всѣ олени, загнанные собаками, были уже около вѣжи.

Дни шли за днями. Солнце не показывалось вовсе. Ночь глубокая, непроницаемая облегала небо почти круглые сутки. Звѣзды сияли ярко-ярко. Отъ времени до времени все небо освѣщалось ярко-красными стол-

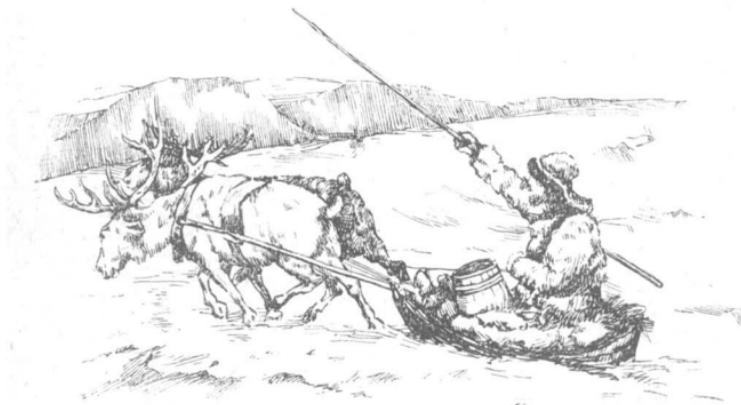
*) Кегорами называются олени настѣща на вершинахъ горъ, покрытыхъ ягелемъ. Туда убѣгаютъ лѣтомъ олени, спасаясь отъ комаровъ и находя тамъ всегда обильную пищу.

**) Перевязка — головной уборъ лопарскихъ девушекъ. Онъ представляетъ изъ себя цилиндръ безъ дна, обшитый разноцѣтной, преимущественно, красной матеріей и украшенный бисеромъ, пуговицами и т. д.

бами, и тогда было почти такъ же свѣтло, какъ и днемъ.

— Пора и въ погость *), — сказалъ однажды лопарь.

Запрягли оленей въ кережки и балки **); нагрузили весь домашній скарбъ, всю сущеную и копчё-

Лопарь на кережкѣ.

ную рыбу, которую наловили за лѣто, размѣстились на санкахъ и поѣхали.

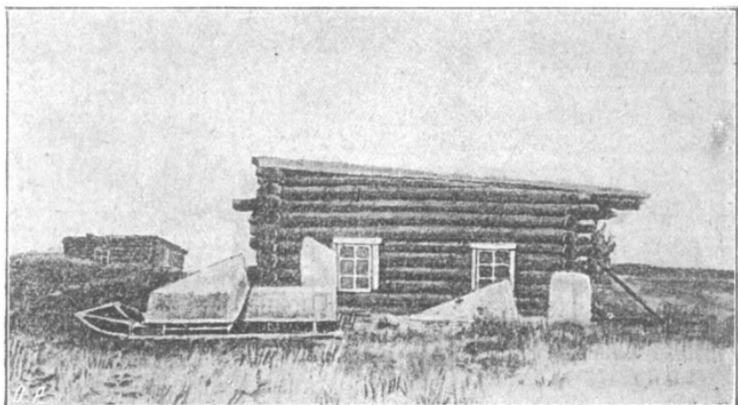
Ѣхали долго-долго. Наконецъ, послышался лай собачій. Подъѣхали ближе—цѣляя стая собакъ кину-

*) Погостомъ называется лопарское селеніе, гдѣ находятся ихъ теплые, зимнія жилища.

**) Кережка—маленькия санки, похожія на лодочку. Балокъ—крытыя санки.

лась на нихъ, да узнали своихъ,—визжать, провожая санки. А еще ближе — ужъ и говоръ людской слышенъ. Вотъ и вѣхали въ свой погостъ.

Въ погостѣ Оцзи и Олесь увидали другихъ дѣтей. Какъ весело зажилось теперь. Выбѣгутъ они изъ своей тупы^{**)} на улицу, затѣютъ съ другими дѣтьми

Лопарская тупа.

разныя игры. А когда устанутъ, бѣгутъ назадъ въ тупу. Тамъ вокругъ пылающаго камелька сидятъ себѣ старшіе и ведутъ бесѣду. Старики знаютъ много чудесныхъ сказокъ. Заслушаются всѣ, сидящіе въ тупѣ; дѣти забываются куда-нибудь въ уголъ; глаза у нихъ блестятъ, а сами жмутся другъ къ другу.

И работать веселѣе стало. Олесь скоро научился

^{**) Тупа — зимнее жилище лопарей.}

у другихъ мальчиковъ, какъ ходить за оленями, какъ впряженять ихъ въ кережки. А къ Оцзи придутъ подруги; онѣ вмѣстѣ сидятъ, шьютъ яры, перемѣшивая полоски оленьей шкуры съ узенѣкими полосками разноцвѣтнаго сукна *). Оцзі большая мастерица шить. Старая лопарка уже давно привѣсила ей на поясъ вмѣстѣ съ ножомъ и игольницею изъ лебяжьей кости и нитки **). И не нахвалится она своей названной дочкой: смирна, тиха Оцзи, хорошая работница, и такая пригожая, веселая, такая добрая и участливая. Любятъ всѣ въ погостѣ Оцзи, и она любить всѣхъ. Весело и любо ей глядѣть на весь Божій міръ своими свѣтлыми, ясными глазами.

III.

была въ погостѣ одна дѣвочка—Маттешъ. Она была самая дурная изъ всѣхъ дѣтей погоста. Не даромъ говорили про нее въ округѣ, что ее подбросилъ злой великанъ Сталло, который шатается по лѣсамъ, оглашая ихъ дикимъ свистомъ и крикомъ. На

*) Яры—длинные сапоги изъ оленьей шкуры. Ихъ шьютъ изъ узкихъ разноцвѣтныхъ полосокъ оленьей шкуры, между которыми вшиваются узкія же полоски или треугольники изъ краснаго, желтаго, синаго и зеленаго сукна.

**) Лопарская женщина всегда носить на поясѣ ножъ и принадлежности шитья.

одной перекочевкѣ ее нашли въ волчьей ямѣ и, сжалившись, взяли съ собой, да не на радость себѣ: чѣмъ больше подрастала она, тѣмъ больше возникало подозрѣній, что она не лопинское дитя, но что принадлежитъ она къ злому отродью лѣсного Сталло. Лицомъ Маттешь была безобразна: космы черныхъ жесткихъ волосъ выбивались изъ-подъ ея красной сороки *), зубы выдвигались впередъ, а зеленоватые глаза злобно глядѣли на всѣхъ. Но что наружность! Маттешь была хитрая, злая и дерзкая дѣвочка. Для нея не существовало большаго удовольствія, какъ обидѣть кого-нибудь, больно поколотить или ущипнуть слабѣшаго, чѣмъ она, спутать чьи-нибудь нитки, облить водой дрова въ камелькѣ, и только смеяться обидѣ и досадѣ другихъ.

Если Маттешь еще терпѣли въ погостѣ, то потому, что жаль было ее прогнать въ лѣсъ, да еще потому, что она была умная и понятливая дѣвочка. Когда она хотѣла работать, все у нея спорилось. Она была ловка и сильна, и даже не по лѣтамъ.

Видѣла Маттешь, какъ сильно любять другъ друга братецъ съ сестрицей, и стало ей завидно. Ни на кого не глядѣть Олесь, ни съ кѣмъ не дѣлится горемъ и радостью, кромѣ Оцзи. Всѣ дѣти, хотя и боялись и не любили Маттенѣ, все же слушались ее: вѣдь никто не умѣлъ такъ хорошо устроить игру,

*) Сорока—головной уборъ.

придумать что-нибудь новое, какъ Маттешь. Только Олесь одинъ точно не хотѣлъ ея знать. Не разъ, когда Оцзи проходила съ Олесомъ, Маттешь кидала имъ вслѣдъ злобные взоры и, придумывая что-то, тихонько посвистывала.

Разъ она подошла къ Олесу и сказала ему съ недоброй усмѣшкой.

— Видишь у меня въ рукахъ волшебный катушекъ. Имъ я могу напустить на человѣка колдовство *). Хочешь, сейчасъ брошу въ тебя? И она держала въ рукахъ какой-то шарикъ и блестящими глазами смотрѣла на Олеса.

Олесь отвѣчалъ:

— Что ты вздоръ говоришь? Откуда у тебя можетъ быть волшебный катушекъ? Ихъ умѣютъ дѣлать только колдуны.

Маттешь громко засмѣялась:

— А можетъ, и я умѣю, почемъ знаешь? Хочешь брошу? Или ты боишься?

Олесь спокойно сказалъ:

— Не боюсь я ничего. Бросай, если хочешь.

— Смотри, не пеяй потомъ на меня! — со смѣхомъ проговорила Маттешь.

Она непріятно разсмѣялась и бросила въ него шарикомъ.

*) Лопари вѣрять въ колдовство. Они думаютъ, что колдуны могутъ напускать порчу посредствомъ волшебныхъ шариковъ или катушковъ, надъ которыми они шепчутъ наговоръ.

Можетъ-быть, это была только одна изъ обычныхъ злыхъ шутокъ Маттешъ: вѣдь она знала, что всѣ боятся волшебныхъ катушковъ, вмѣстѣ съ которыми колдуны обыкновенно посыпаютъ на людей порчу и разные болѣзни. Олесъ не вѣрилъ, что Маттешъ знаетъ колдовство и не испугался: но впослѣдствіи онъ, припоминая этотъ случай, рассказывалъ всѣмъ, что шарикъ, ударившись въ него, причинилъ ему сильную боль: «Точно стрѣлу, — говорилъ онъ потомъ, — пустили въ меня».

...Большое горе у маленькой Оцзи: разлюбилъ ее Олесъ, ея братецъ любимый. Прекратились ихъ прежнія дружныя бесѣды, ихъ общія игры. Совсѣмъ отдалился отъ нея Олесъ. Скажетъ ему что-нибудь Оцзи, а онъ начнетъ дразнить ее, звать дѣвчонкой-дурой. Уйдетъ куда-нибудь Оцзи и горько заплачетъ. А ночью, когда всѣ заснутъ, она вылѣзетъ изъ-подъ своей оленьей шкуры, сядеть возлѣ Олеса и все глядитъ на него. Вспомнить она, какъ жили они у бабушки въ крохотной вѣжѣ, какъ спали подъ одной шкуркой и какъ тогда они были дружны. Закапаютъ изъ ея глазъ горячія слезы. Упадетъ иной разъ горячая капля Олесу на щеку, и онъ проснется. Случится, жаль ему станетъ сестрицу, обниметъ онъ ее крѣпко, и заснутъ они, немного погодя, попрежнему обнявшись. Но чаще случается, что Олесъ увидѣть плачущую сестрицу и скажетъ: «Опять ревешь, дѣвчонка!» и отвернется отъ нея, ляжетъ на другой бокъ.

А начнетъ Оцзи вспоминать былую жизнь, о томъ, какъ они жили съ бабушкой, какъ по лѣсу шли вдвоемъ людей искать, Олесь скажетъ: «Вотъ еще, нашла что вспоминать!»

Сдружился Олесь съ Маттешъ, и для нея позабылъ свою сестрицу. Сталъ онъ во всемъ подражать новой подругѣ. Куда Маттешъ, туда и онъ. Ему стали нравиться теперь только дикия игры и злые шалости. Старшимъ онъ началъ грубить, къ работѣ сдѣлался лѣнивъ и небреженъ. Дѣтей дразнилъ, щипалъ и билъ; кому подставить ногу, въ кого запустить камнемъ, кого отколотить ни за что, ни про что. А Маттешъ обыкновенно ужъ тутъ какъ тутъ, смеется, да подзадориваетъ его.

Перестали другія дѣти любить Олеса, начали избѣгать его. Но Олесу и горя мало. Уйдетъ онъ съ Маттешъ, выдумаютъ они вмѣстѣ какую-нибудь злую штуку и бѣгутъ выполнить ее, а потомъ вмѣстѣ радуются. И старшіе замѣтили перемѣну въ Олесѣ; стало ему часто доставаться.

Сколько разъ уговаривала Олеса Оцзи, но онъ не хотѣлъ ее слушать и только грубо отвѣчалъ ей.

— Олесь, милый мой братецъ, — сказала разъ Оцзи, — что это сдѣлалось съ тобой? Отчего ты стала такимъ злымъ? Отчего ты всѣмъ дѣлаешь зло, бѣшь дѣтей, мучаешь собакъ и оленей?

— Оттого, что мнѣ весело такъ, вотъ и все.

— Это Маттешъ учить тебя дурному! Какая

она гадкая! — воскликнула Оцзи со слезами на глазахъ.

Но тутъ Олесь сорвался съ мѣста, съ злымъ лицомъ, съ сжатыми кулаками.

— Не смѣй говорить ничего дурного про Маттешъ, слышшишь, не то я тебя отколочу.

Поблѣднѣла Оцзи, глядить широко-раскрытыми глазами на Олеса; никогда еще она не видала его такимъ.

Опомнился Олесь, опустилъ кулаки, проговорилъ сквозь зубы:

— Отстань отъ меня. Ты мнѣ надоѣла. Наладила за всѣми: «Маттешъ злая, Маттешъ гадкая!» Ну, и гадкая, и пусть. А я ее люблю, а ты мнѣ надоѣла.

Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ.

Такъ говорили они часто. Глубокое, острое горе проникло въ сердце маленькой Оцзи. Пропали ея радость, веселье. Свѣтлые глаза ея часто туманились слезами. И свѣдалась маленькая Оцзи съ лютой тоской.

IV.

если бы Оцзи была христіанкой, если бы она знала, что у нея, бѣдной дѣвочки, до горя которой никому не было дѣла, есть на далекомъ, широкомъ небѣ Защитникъ, заботящійся о ней, видящій все Отецъ, къ которому можно итти и съ горемъ и съ радостью,— она обратилась бы къ Нему, Ему повѣдала бы свою тоску, у Него просила бы помощи.

Но она этого не знала. Правда, она была крещена. Она, хотя и смутно, но все же помнила, какъ пріѣзжалъ къ ихъ вѣжѣ, когда они жили еще съ бабушкой, человѣкъ въ непривычной для нея одеждѣ, и какъ этотъ человѣкъ повелъ ее и Олеса къ рѣкѣ и окуналь по три раза въ холодную воду, и какъ тогда на нихъ надѣли мѣдные крестики, которые они до сихъ поръ носили на шеѣ. Крестикъ долженъ быть, по словамъ бабушки, охранять ихъ отъ бѣдъ и болѣзней; но охраняли ихъ тоже и кусочки олова и латуни *), пришитые бабушкой къ тому же ремешку, и кусочекъ желѣза, запитый въ кушакъ.

Бабушка говорила, что этотъ крестикъ обладаетъ большой силой, потому что это знакъ великаго и милостиваго Радіенъ-Кіедде, единственнаго Сына вели-

*.) Латунь—желтая мѣдь, сплавъ мѣди и цинка.

каго Небеснаго Отца—Радіенъ-Атче, котораго Небесный Отецъ такъ любилъ, что ему поручилъ созданіе всей вселенной, одному ему далъ власть творить души новыхъ людей, приходящихъ въ міръ. Но что этотъ великий и единственный Сынъ Небеснаго Отца изъ любви ко всему человѣчеству, ко всѣмъ безъ исключения людямъ, будь то богатые шведы-норведы, или тароватые русскіе промышленники, или бѣдные, забытые нуждою лопины, пришелъ на землю и возлюбилъ ихъ настолько, что пострадалъ и умеръ для ихъ спасенія,— этого Оцзи не знала. Не знала и сама бабушка, какъ не вѣдали того и другіе лопины. Всѣ они признавали только, что тамъ наверху, очень-очень высоко, царитъ вѣчно неизмѣнныи, справедливый и невозмутимый въ своемъ величиіи Небесный Отецъ—Радіенъ-Атче. Въ простотѣ сердца они вѣрили, что онъ настолько великъ и благъ, что не требуетъ умилостивленій отъ бѣдныхъ людей, и потому они и не приносили ему никакихъ жертвъ.

Зато они знали, а отъ нихъ знала и Оцзи, что высоко за предѣлами видимаго неба и глубоко подъ землей, и въ рѣкахъ, озерахъ, горахъ и лѣсахъ царитъ многое множество бѣсовъ и духовъ, съ которыми приходилось считаться.

Великъ и могущественъ богъ Мадератчъ. Онъ первый получаетъ отъ Радіенъ-Кіедде душу человѣка, когда новый человѣкъ долженъ явиться въ міръ. Онъ обноситъ ее вокругъ солнца и передаетъ ее женѣ

своей Мадераккѣ, которую чтуть всѣ лопинскія женщины. Она создаетъ тѣло новаго человѣка и передаетъ его своимъ дочерямъ Сараккѣ или Уксъ-аккѣ. Почтены и велики и эти богини. Онѣ назначаютъ, быть ли новому человѣку мальчикомъ или дѣвочкой. И если Оцзи дѣвочка, то это потому, что Мадеракка передала ее при ея созданіи Сараккѣ, а Олесь—мальчикъ, потому что перешель въ руки Уксъ-акки.

А на небѣ, знала Оцзи, царитъ мощный Пейве-Солнце, который только три мѣсяца въ году посѣщаетъ родныхъ ей мѣста, оживляя все, на что падутъ его свѣтлыя очи. Онъ утромъ выѣзжаетъ изъ своего дома въ саняхъ, запряженныхъ медвѣдемъ, въ полдень мѣняетъ медвѣдя на бѣлаго оленя, а къ вечеру на бѣлую важенку*). Когда же въ лѣтніе жаркие дни гремѣлъ громъ такъ страшно, что Оцзи отъ страха убѣгала въ вѣжу,—то грозный громовой богъ Айеке, натянувъ свой лукъ—блестящую радугу, гонялся за нечистой силой, гнѣздящейся въ горахъ, ущельяхъ и озерахъ.

И подъ землей, знала Оцзи, жили могущественные боги. Развѣ она не слыхала сколько разъ, что души умершихъ людей идутъ въ подземное царство, что хорошие, честные лопины живутъ въ царствѣ матери смерти, Ябме-акко, живутъ хорошо и безъ нужды, всегда вылавливая въ озерахъ и рѣкахъ рыбу,

*) Важенка—самка сѣвернаго оленя.

всегда удачно охотясь на пушного и морского звѣря, имѣя много оленей, тогда какъ дурныхъ ведутъ къ немилостивому богу Рота, который живеть еще глубже подъ землей, и отъ котораго исходятъ всѣ болѣзни людскія.

И про многихъ другихъ боговъ и духовъ слышала Оцзи отъ окружающихъ. Добрая оленыя хозяйка Луотъ-хозиѣ, сама совершенно какъ женщина-лопарка, но вся обросшая шерстью, какъ олень, охраняла отъ волковъ оленей, пасущихся на высокихъ кегорахъ. Полу-человѣкъ, полу-рыба Аккрува поднимался изъ моря вверхъ по рѣкамъ и велъ за собой изъ моря рыбъ, такъ что отъ него зависѣлъ удачный ловъ рыбы. На берегу озеръ и рѣкъ можно было увидать Саціенъ, расчесывающую свои длинные волосы. Не было ни одной горы, ни одного лѣснаго урочища, ни одного озера, ручья или рѣки, которые не имѣли бы своего духа-хозяина. Были духи добрые и злые. Добрыхъ призывали лопины, ожидая отъ нихъ милости въ видѣ здоровья, удачной охоты, рыбной ловли и т. п. Злые же насыпали на людей всевозможныя болѣзни, на морѣ поднимали бури, выдавали оленей-важенокъ, пугали людей.

Оцзи знала также, что сильную помошь оказываютъ лопинамъ и сейды—большіе камни или обрубки дерева, поставленные то на берегу озеръ и рѣкъ, то гдѣ-нибудь въ лѣсу. Они помогали лопинамъ въ охотѣ и рыбной ловлѣ. Но они требовали многихъ и обиль-

ныхъ жертвъ: имъ рѣзали оленей, ихъ кропили и обмазывали кровью и жиромъ. Да и прочие боги требовали жертвъ. А что могла имъ дать бѣдная дѣвочка? Да и поняли ли бы ея горе они, которые или были заняты важными дѣлами міротворенія, борьбой со злыми силами, или же брали на себя доставленіе пищи лопинамъ и удовлетвореніе ихъ насущныхъ потребностей. И не было ни одного изъ нихъ, къ кому простое лопинское дитя могло бы обратиться со своимъ горемъ, со своей сердечной мукой.

V.

На берегу большого озера, изъ котораго шумно вытекаетъ быстрая, порожистая рыбообильная рѣка, живетъ старый нойда *). Съ нимъ вмѣстѣ живутъ и другіе лопари, мужчины и женщины. Это его ученики, которые ощутили въ себѣ священную силу и готовятся стать впослѣдствіи нойдами, какъ и онъ. Они всюду слѣдуютъ за нимъ, помогая ему въ священнодѣйствіяхъ и стараясь научиться у него его великому искусству. Часто приходятъ къ старику за совѣтомъ, за лѣкарствомъ, за помощью. Могущественъ старый нойда: не даромъ боги избрали его себѣ на

*) Нойда — шаманъ или колдунъ.

служеніе съ самаго ранняго дѣтства; не даромъ пиль онъ воду изъ источника, протекающаго у подножія горы, гдѣ живетъ покровитель нойдѣ, сильный богъ Сайво-олмакъ. Не даромъ на священномъ бубнѣ его, сдѣланномъ изъ росшей по-солонь березы, красной краской написано множество различныхъ знаковъ и фигуръ; даже знакъ великаго бога Мадератчъ нарисованъ у него на бубнѣ,— а развѣ посмѣлъ бы начертать этотъ великий знакъ малозначущій нойда?

Велика сила старика. Ничто не скроется отъ него. Когда онъ начнетъ ударять колотушкой по своему волшебному бубну и потомъ впадаетъ въ глубокій сонъ, онъ отлетаетъ душой въ заоблачныя пространства, спускается въ темное подземное царство — и узнаетъ все: отъ кого или отъ чего пришла болѣзнь, чѣмъ помочь больному, какое божество прогнѣвано, и какого рода жертву надо принести для его умилостивленія. Когда же его звали приносить жертву грозному Айеке, или благодѣтельному Пейве, или покровительницамъ женщинъ Сараккѣ или Уксъ-аккѣ — онъ былъ великодѣленъ, старый нойда. Онъ облекался тогда въ лучшія полотняныя одежды, опоясывался поясомъ черезъ лѣвое плечо, а на правую руку надѣвалъ латунныя кольца и цѣпи. Ловко всаживалъ онъ ножъ въ жертвенное животное, ловко разрѣзалъ его на части, кровью его брызгалъ кругомъ, а затѣмъ распредѣлялъ куски между присутствующими. Опытной рукой онъ складывалъ потомъ всѣ кости въ за-

ранѣе приготовленный берестяный ящикъ такъ, чтобы получилось изображеніе заколотаго животнаго: отъ этого божеству было легче воскресить его (вѣдь известно, что жертва всегда воскрешалась потомъ тѣмъ божествомъ, которому была принесена). И ни одинъ нойда въ округѣ, даже изъ молодыхъ, не могъ сравняться съ нимъ. Правда, что старый нойда былъ еще въ полной силѣ,— иначе онъ и не могъ бы править свое великое дѣло; говорится, что сила держится у нойды лишь до тѣхъ поръ, пока у него цѣлы всѣ зубы.

Оцзи рѣшилась отправиться къ старику нойдѣ. Дома она никому не сказала.

Она шла по лѣсу. Сердце стучало у нея въ груди. Она привыкла къ мертвенної тиши родныхъ лѣсовъ, но теперь эта тишина ее смущала, ей дѣжалось жутко.

Старый нойда сидѣлъ въ своей вѣжѣ, окруженный своими учениками. Сѣдяя космы падали изъ-подъ его шерстяного вязанаго колпака; морщины покрывали все лицо; но глаза сохранили свой блескъ,— небольшие сѣрые глаза, которые загорались голубыми лучами и смотрѣли такъ, какъ будто видѣли все, что у кого на душѣ творится.

Оцзи съ сильно бьющимся сердцемъ остановилась въ дверяхъ вѣжи.

— Съ чѣмъ пришла, дѣвушка?— спросилъ ее старый нойда.

Она еле переводила духъ отъ страха, но потомъ оцзи и олесь,

начала говорить быстро, быстро и повѣдала ему свое глубокое горе.

— Помоги,—кончила она тихо.

— А что ты мнѣ принесла за труды?—спросилъ старикъ.

Оцзи смущенно отвѣчала:

— Ничего я не принесла тебѣ. Что же я могла тебѣ принести? Вѣдь у меня ничего своего нѣтъ. Но я умѣю хорошо шить яры и, если ты мнѣ дашь оленью шкуру, я постараюсь сшить тебѣ яры такъ хорошо, какъ только могу.

Она глядѣла на него своими свѣтлыми, ясными глазами съ такой тревогой, съ такой просьбой во взорѣ, что старый нойда добродушно улыбнулся и сказалъ:

— Ничего мнѣ и не надо. Отчего бы мнѣ и не помочь тебѣ? Я и такъ тебѣ помогу за твой ясный взорѣ, за твой ласковый голосъ.

Она сказала:

— Помоги, я никогда этого не забуду.

Старый нойда въ священномъ углу своей вѣжи,—за очагомъ противъ двери, взялъ свой бубенъ и приготовился священнодѣйствовать. Онъ сѣлъ на землю, ученики его размѣстились вокругъ него. Оцзи же сѣла въ сторонѣ. Она скрестила руки на груди, чтобы унять біеніе своего сердца.

Старикъ бросилъ на бубенъ мѣдное кольцо, къ которому были привязаны другія кольца. Они со

звономъ упали на перепонку. Стариkъ запѣль, и пѣснь его подхватили его ученики. Нойда началъ ударять по бубну деревянной, обтянутой оленьей шкурой колотушкой, сначала тихо, потомъ все громче и громче. И пѣсня — страшное, грозное заклинаніе — лилась все громче и сильнѣе. Все чаще повторялись удары по бубну, все быстрѣе становился тактъ пѣсни. Мѣдныя кольца скакали по натянутой кожѣ, погремушки, привѣшанныя къ бубну, громыхали и звенѣли, и среди пѣсни вдругъ вырывался рѣзкій возгласъ — то выкрикивалъ что-то какимъ-то страннымъ, не своимъ голосомъ старый нойда.

Но вотъ его не стало слышно совсѣмъ. Оцзи подняла глаза. Старый нойда дѣлалъ странныя движенія; лицо его подернулось густой краской; глаза широко раскрылись и смотрѣли въ одну точку; казалось, онъ видѣлъ что-то, чего не видѣли присутствующіе, хотя и всѣ ученики его съ напряженными лицами смотрѣли въ ту же сторону... И вдругъ, старый нойда покатился на землю безъ движенія и, какъ казалось, безъ жизни.

Оцзи поблѣднѣла. Она знала, что теперь душа нойды отлетѣла, что она пустилась въ далекое и опасное странствіе: спускается въ темное царство мертвыхъ, поднимается къ высокому небу, гораздо выше голубыхъ тумановъ, повисшихъ на горахъ, и все это, чтобы развѣдать, какъ помочь ея горю. Она сидѣла, боясь шелохнуться, а ученики нойды между

тѣмъ продолжали свою пѣснь: вѣдь они знали, что если остановятся на мгновеніе, душа нойды можетъ отлетѣть навсегда.

Сколько времени лежалъ стариkъ, Оцзи не могла бы сказать. Наконецъ, онъ пошевельнулся. Прошло нѣкоторое время, и онъ приподнялся и сѣлъ. Глаза его блуждали по сторонамъ. Казалось, что, вернувшись изъ недоступныхъ обыкновенному человѣку странъ, онъ не могъ сразу освоиться съ солнечнымъ свѣтомъ. Замолкли ученики и благоговѣйно смотрѣли на него. Въ священномъ трепетѣ, съ тревожной надеждой взирала на него и маленькая Оцзи.

И вотъ старый нойда заговорилъ торжественно:

— Видѣлъ я, все видѣлъ, дѣвушка, все разузналъ. Все повѣдали мнѣ сѣрыя птицы подземнаго царства: орлы, голуби, лебеди и коршуны. Онѣ въ услуженіи у меня и на зовъ мой являются немедленно; онѣ сопровождаютъ меня, передаютъ мнѣ чужія рѣчи. Подземная рыба возила меня на хребтѣ своеемъ въ царство мертвыхъ. Бесѣдовалъ я и съ хозяиномъ горъ и хозяиномъ озера. Поднялся еще на недосягаемую высоту и видѣлъ, но я не могу сказать тебѣ, что я видѣлъ тамъ...

Обытые священнымъ ужасомъ, внимали этимъ рѣчамъ ученики и маленькая Оцзи.

— Испорченъ твой Олесь; его испортила злая Маттешъ. Маттешъ—Сталлово отродье. Зачѣмъ ее взяли изъ волчьей ямы, куда подбросилъ ее самъ Сталло

на бѣду людямъ? Много зла сдѣлаетъ Маттешъ Олесу, а когда подрастетъ, и всему погосту.

— Какъ же спасти его?—тихо прошептала Оцзи.

— Есть одно только средство.

— Скажи мнѣ его. Я все исполню. Отчего же мнѣ и не исполнить?

— Охъ, дѣвушка, много силъ на это надо, ты и не знаешь. Надо взять эту порчу на себя. Надо, чтобы стрѣлы Маттешъ, которыя она пустила въ Олеса вмѣстѣ съ волшебнымъ катушкомъ, вошли въ тебя. Зла, жестока и хитра Маттешъ; ея стрѣлы нагонять на тебя лихую порчу. Готова ли ты принять на себя злую болѣзнь, лютую муку, претерпѣть все, не жалуясь.

— Все готова я перенести.

— Измѣнится твое пригожее лицо, поблекнетъ твоя краса... Люди отвернутся отъ тебя... вся тебя забудутъ...

— На все готова я, на все!—повторила Оцзи.

Старый нойда взялъ кусокъ ржаной лепешки, долго шепталъ на него и, наконецъ, сказалъ:

— Если крѣпко твое желаніе, сѣѣшь этотъ кусокъ, и стрѣлы Маттешъ войдутъ въ тебя. Чѣмъ сильнѣе будутъ твои страданія, тѣмъ меньше силы будутъ имѣть стрѣлы Маттешъ, попавшія въ Олеса.

Оцзи молча взяла кусокъ изъ рукъ нойды и сѣѣла его.

— Иди же, дѣвушка пригожая, сказалъ старый

нойда.— Да поможетъ тебъ свѣтлый Пейве и могучій громовой бoggъ Айеке, котораго такъ боится нечистая сила. Помни слово старого нойды — не напрасно ты обратилась къ нему: слабая, ты побѣдишь сильную Маттешь.

Когда Оцзи подходила къ погосту, ей навстрѣчу вышла Маттешь. Глаза Маттешь горѣли ненавистью. Она посмотрѣла на Оцзи и злобно разсмѣялась. Жутко стало Оцзи отъ ея хохота.

VI.

Маленькая Оцзи заболѣла. Это было ясно вся-
кому, кто пожелалъ бы приглядѣться къ ней.
Хотя она по-прежнему исполняла свои обязанности, но
очевидно было, что ей тяжело. Часто теперь сидѣла она
у камелька и грѣлась и глядѣла, какъ бойко бѣгали
огненные языки по смолистымъ дровамъ. Ей все было
холодно и не хотѣлось уходить отъ тепла. Когда же
ея названная мать гнала ее на улицу къ другимъ
дѣтямъ, она выходила только на порогъ тупы. Она
садилась тутъ и не шевелясь глядѣла въ далекую
небесную высоту. Ей такъ трудно было каждое дви-
женіе. Другія дѣти подбѣгали къ ней, звали ее съ
собою, но она отказывалась: ей было тяжело даже
подумать встать, пойти куда-нибудь, не только что

бѣгать. Когда же по вечерамъ въ тупѣ собирались старики и вокругъ пылающаго камелька начинали безконечные разсказы о бывомъ, которые она такъ любила прежде, она садилась въ уголъ и сидѣла, закрывши глаза, свернувшись клубочкомъ, не слушая, не думая ни о чёмъ. Какое-то ощущеніе сошло на нее и сковало не только ея члены, но и мысли.

«Это стрѣлы Маттешъ! это онѣ начинаютъ дѣйствовать!» повторяла она себѣ, и эта мысль придавала ей бодрость и силу. Часто теперь, сидя безъ движенія, она повторяла себѣ эти бодрящія ее слова. А болѣзнь ея ухудшалась съ каждымъ днемъ.

Замѣтили, наконецъ, старшіе, что Оцзи больна. Начали ее лѣчить *).

Стали поить Оцзи отваромъ изъ черной воронки и теплой оленьей кровью. Начали ее водить по улицѣ передъ тупами, закутавъ ее въ шубу. Ее заставляли носить тяжести и дѣлать какъ можно больше движенія, потому что, чѣмъ больше поддаваться этой болѣзни, нежеланію двигаться, дѣлать что-нибудь,—тѣмъ больше охватываетъ она человѣка. Надо сильно желать избавиться отъ нея, чтобы она оставила больного.

Но Оцзи не хотѣла выздоравливать. Она была увѣрена, что болѣзнь ея—порча, которую она снимаетъ

*) Оцзи заболѣла цингой, страшной и часто встречающейся на сѣверѣ болѣезнью.

съ брата. Какъ ни тяжело было ей, но она была готова претерпѣть всякия муки, чтобы его спасти.

Ей дѣлалось хуже съ каждымъ днемъ. Другія дѣти уже давно перестали ходить къ ней, звать ее играть съ собой.

Мало-по-малу поблекла краса Оцзи: лицо ея исказилось отъ долгихъ страданій, ласковый взоръ ея потухъ, густые бѣлокурые волосы стали выпадать.

Разъ она вышла на улицу. Дѣти играли. Маттешъ схватила ее за руку и грубо потащила къ другимъ дѣтямъ. «Посмотрите, сказала,—какая красавица! —и сорвала съ ея головы красную перевязку.

Начали дѣти хохотать; схватились за руки и прыгаютъ вокругъ нея, кривляются. А Маттешъ стоитъ въ сторонѣ и заливаются хохотомъ.

Вдругъ, откуда ни возьмись, прибѣжалъ Олесь. Онъ кинулся на дѣтей съ кулаками, началъ направо и налево бить ихъ. Потомъ взялъ Оцзи за руку, сказаль: «Пойдемъ» и повелъ ее.

— Какая ты стала! сказалъ онъ, не то съ презрѣніемъ, не то съ жалостью.

Она подумала: «Ему, навѣрное, стыдно меня». У нея на душѣ было горько, и она не рѣшалась взглянуть ему въ лицо.

Но Олесь довелъ ее до тупы и сказалъ:

— Никому я не дамъ тебя въ обиду.

Стало Оцзи еще хуже. На деснахъ у нея появились раны; она ничего почти не могла ъсть. Она

уходила отъ всѣхъ и пряталась. Но мужества она не теряла: вѣдь она знала, что страдаетъ для спасенія Олеса.

Но Маттешъ тоже перемѣнилась. Она блѣднѣла съ каждымъ днемъ все больше и больше. Глаза ея уже не блестѣли самодовольствомъ. Видно было, что она чѣмъ-то озабочена.

Напрасно звала она теперь съ собою Олеса, напрасно дразнила его съ злымъ смѣхомъ. Онъ мрачно глядѣлъ на нее и разъ даже погрозилъ кулакомъ. Онъ ходилъ теперь угрюмый. И въ его душѣ что-то дѣлялось.

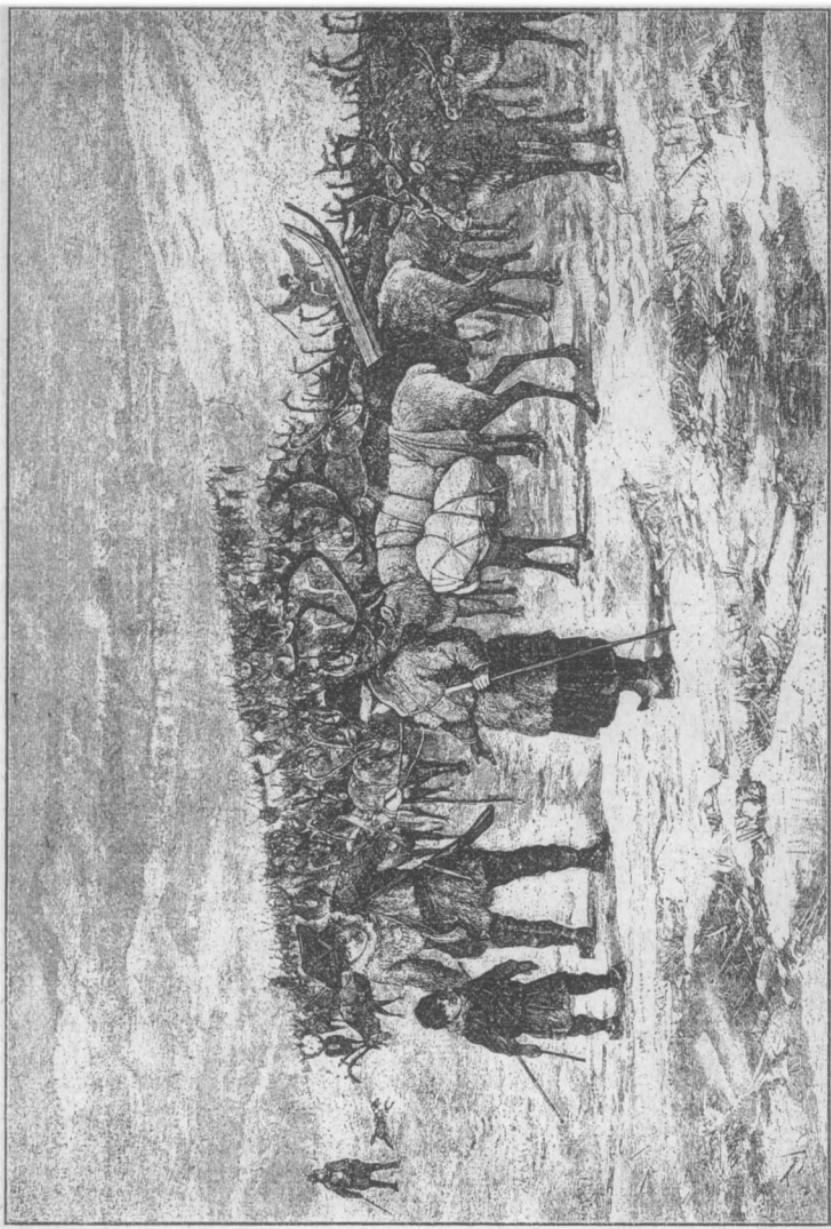
• VII.

Истало, наконецъ, время перекочевки. Сталъ весь погостъ собираться въ дальній путь. Осматривали кережки и балки; налаживали рыболовные снасти, которыхъ брали съ собой. Солнце уже повернуло на лѣто, а это былъ знакъ, что пора отправляться.

Однажды утромъ погостъ опустѣлъ. По блестящему снѣгу, который лежалъ пушистымъ ковромъ на землѣ, сравнявъ логи съ горами, покрывъ высокіе кегоры, потянулся цѣлый рядъ саней, запряженныхъ оленями. Сзади уныло чернѣли оставленныя тупы.

Перекочевка лопарей.

Снѣгъ бросалъ отсвѣтъ въ темное полярное утро. Звѣзды указывали путь.

Оцзи крѣпко недужило. Почти безъ сознанія и вся дрожа лежала она, укутанная олеными шкурами, въ балкѣ. Молча и угрюмо правилъ Олесь санями. Оцзи была увѣрена, что теперь наступилъ конецъ. Стрѣлы Маттешь сдѣлали свое дѣло: онѣ подточили ея здоровье, отняли у нея красоту, привлекательность, силы, какъ предсказалъ ей старый нойда. Что жъ оставалось теперь? Одна смерть.

Остановились всѣ на ночь. Отпрягли оленей, поставили походныя куваксы *), легли спать. Не вышла изъ саней одна Оцзи. Лежитъ она и не можетъ заснуть. Около нея сидить Олесь. Не спускаетъ онѣ глазъ съ сестры, держитъ ее за руку.

— Олесь, братецъ мой миленький, пойди, отдохни! Завтра дальшеѣхать цѣлый день.

— Не пойду я отъ тебя никуда, сестрица,—говорилъ Олесь,—не оставлю тебя одну.

А кругомъ бродитъ злая Маттешь, глядитъ на братца съ сестрицей; хочетъ сказать что-то, да слова не идутъ у нея съ языка. На себя она не похожа.

Улеглись, наконецъ, всѣ. Ночь, усыпанная звѣздами, точно миллионами свѣтлыхъ очей, глядить съ неба.

*) Кувакса—походная парусинная палатка, которая служитъ лопарямъ только во время перекочевокъ.

Оцзи лежитъ въ забытьи. Но чуть она очнется, она слышитъ надъ собой шопотъ:

— Я здѣсь, сестрица дорогая, я здѣсь съ тобой. И она снова впадаетъ въ забытье, но оно кажется ей свѣтлымъ и радостнымъ сномъ.

Ночь прошла. Поблѣднѣли звѣзды. Проснулись всѣ въ становищѣ.

— Оцзи не можетъ ѿхать дальше,—говорить Олесь своимъ названнымъ родителямъ.

Подошли старики-лопари, смотрять на Оцзи. Покачали головами, говорятъ:

— Какъ бы не померла дѣвушка. Какъ же быть теперь? Отставать намъ нельзя отъ всѣхъ. И на небѣ мутно что-то. Какъ бы погода не разыгралась.

Оцзи лежитъ—не видить, не слышитъ ничего.

— Оставимъ дѣвушку тутъ—говорять старики:—ужъ очень плоха она. Знать судьба ея.

Олесь мрачно взглянулъ на нихъ.

— Поѣзжайте,—говорить,—я останусь съ ней.

— Какъ же ты останешься?—сказали старики.—Потомъ куда ты пойдешь? Найдешь ли насть?

— Никого мнѣ не надо. Найду васъ, — хорошо, не найду,—не нужно. Не оставлю я Оцзи.

Помолчали старики, говорятъ:

— И то, можетъ, и отойдетъ дѣвушка. Оставимъ мы тебѣ нашу куваксу, оставимъ рыбы копченой и сушеної, оленины вяленой. Дрова еще съ ночи остались.

— Я за ней ходить буду,—говорить Олесь,—такъ ходить буду, что она встанетъ.

— Ну, и ладно, говорятъ старики.—Поправится дѣвушка,—олени у васъ есть, найдете насъ. И отошли они съ надеждой въ сердцѣ, что при уходѣ могла подняться на ноги дѣвушка; оставить ее съ братомъ не то, что покинуть ее одну.

Кругомъ идутъ сборы. Собаки лаютъ, олени фыркаютъ. Идетъ людской говоръ. Ходить и Маттешь вокругъ своихъ оленей, запрягаетъ ихъ въ свои кережки и поглядываетъ на Олеса.

Наложили всю кладь, все добро на кережки, усѣлись все, зазвенѣли бубенчики,—tronулись. И потянулась длинная вереница саней.

Маттешь не уѣзжала. Она подошла къ Олесу и сказала:

— Пойдемъ же, не дури, говорятъ тебѣ. Ты видиши, погода можетъ разыграться. Останешься здѣсь,—пропадешь.

Ничего не отвѣтилъ ей Олесь. Онъ смотрѣлъ, не сводя глазъ, на Оцзи, раздумывая, какъ бы перенести ее въ куваксу.

Злобно засверкали глаза у Маттешь; она вся поблѣднѣла.

— Слушай меня и пойдемъ!—говорить.—Не встать Оцзи!

— Неправда,—отвѣтилъ Олесь,—она выздоровѣеть: я все сдѣлаю, чтобы она выздоровѣла.

— Поѣдемъ,—повторила Маттешь.—Ты видишь, всѣ уже уѣхали. Ни одной кережки уже не видно за горой.

— Оставь меня,—говорить Олесь,—я не хочу тебя знать.

Въ это время Оцзи пришла въ себя. Она приподнялась и широко-раскрытыми глазами посмотрѣла вокругъ себя. Она увидала возлѣ себя Олеса, и радость засияла на ея лицѣ. И съ этой радостью во взорѣ, который сталъ лучистымъ попрежнему, она взглянула на Маттешь.

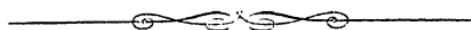
Поблѣднѣла Маттешь, затряслась вся, хотѣла было что-то сказать, хотѣла злобно взглянуть на Олеса и Оцзи, но не могла. Вскочила она на свои кережки, сильно ударила острымъ хареемъ *) по своимъ оленямъ — и умчалась, умчалась не туда, куда уѣхалъ весь поѣздъ, а въ противоположную сторону. Съ тѣхъ поръ никто изъ погоста не видалъ Маттешь. Знать, нашла она пристанище среди другихъ людей, въ другомъ погостѣ.

Едва Маттешь успѣла скрыться, разыгралась страшная выюга. Снежные хлопья летѣли съ неба и крутились въ воздухѣ, точно въ бѣшеной пляскѣ. Вѣтеръ ревѣлъ и свистѣлъ вокругъ; сосны скрипѣли и трещали. Казалось, что лѣсь стонеть на тысячу разныхъ голосовъ; можно было подумать, что самъ Сталло грозится отомстить страшной бѣдой за свое дѣтище.

*) Харей—длинная палка, которой погоняютъ оленей.

Но братецъ съ сестрицей ничего не боялись. Они знали, что переждутъ бурю, что снова засіяеть ясный день, и они снова заживутъ дружно, спокойно и счастливо.

Олесь поднялъ на руки Оцзи и бережно отнесъ ее въ куваксу. Онъ прикрылъ ее теплой оленьей шкурой и развелъ огонь на очагъ. Она улыбалась ему, и въ глазахъ ея уже появился живой блескъ. Олесь повѣсила надъ очагомъ котелокъ, налилъ въ него воды, положилъ кусокъ оленины и легъ у огня, слѣдя за варевомъ. И такъ они лежали оба у огня, молчали и глядѣли въ огонь и съ улыбкой взглядывали другъ на друга, и бушевавшая выюга была имъ ни почемъ. Охватили ихъ свѣтлые воспоминанія раннаго дѣтства. И казалось имъ, что они сдѣлались опять совсѣмъ маленькими, что они лежатъ въ своей вѣжѣ, прижавшись другъ къ другу, съ такой любовью другъ къ другу въ сердцахъ. И не буря, уже начинавшая стихать, реветь вокругъ, не сосны скрипѣть и трещать, — то трещать смолистыя дрова на огнѣ разведенномъ бабушкой, и сама бабушка баюкаетъ ихъ, старческимъ, дребезжащимъ голосомъ поетъ имъ свои пѣсни...

Книги Вл. Львова

ДЛЯ ШКОЛЬ и ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

Народная Школа. Книга для чтенія для воскресныхъ и начальныхъ школъ. Часть I. (Содержаніе ея составляютъ популярные очерки по естественной исторіи). Съ 212 рис. Цѣна 70 коп., въ папкѣ 85 коп.

Уч. Ком. М. Н. Пр. допущена къ употребленію въ воскресныхъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго чтенія, въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Отдѣленіемъ Уч. Ком. М. Н. Пр. по техническому и профессиональному образованію одобрена для ученическихъ библіотекъ промышленныхъ училищъ низшихъ типовъ (ремесленныхъ всѣхъ наименованій).

Уч. Ком. Мин. Земледѣлія и Государственныхъ. Имущество одобрена для библіотекъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній.

Первое знакомство съ географіей Россіи. (Уроки и хрестоматія). Съ 54 рис. и 13 картами. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 р. 15 к.

Жаркія Страны. Разсказы о растеніяхъ, животныхъ и дикаряхъ тропическихъ странъ. Съ 55 рис. Издание 2-е „Посредника“. Цѣна 25 коп.

Первое изданіе Уч. Ком. М. Н. Пр. допущено въ народныя библіотеки и читальни и въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ.

Малайскій Архипелагъ, страна орангъ-утана и райской птицы. По Уоллесу обработано для дѣтей. Издание редакціи журнала „Всходы“. 1903 г.

Серія книжекъ по географії и этнографії Россії

Вл. Львова.

(Первые три выпуска посвящены Сѣверу Европейской Россіи).

1. **Новая Земля**, ея природа, животный міръ, промыслы и населеніе. Съ 19 рис. и картой Новой Земли. Цѣна 25 коп.

2. **Самоѣды.** Очеркъ. Съ 9 рис. Цѣна 15 коп.

Уч. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

3. **Русская Лапландія и русскіе лопари.** Географический и этнографический очеркъ. Съ 10 рис. и картой Лапландіи.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ *Вл. Львова.*

Юдикъ. Изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ. Разсказъ
К. Д. Носилова. Съ 8 рис. Цѣна 15 коп.

Оцзи и Олесь. Разсказъ изъ жизни лопарей. *В. Н. Харузиной.*
Съ 5 рис. Цѣна 15 коп.

Въ горахъ Хингана. Разсказъ *К. Д. Носилова.* (печатается).

Медвѣдь и медвѣжій промыселъ въ Россіи. Очеркъ *Василія Львова.* Съ 5 рис. Цѣна 15 коп.

Бѣлка и бѣличій промыселъ. Очеркъ *Василія Львова.* Съ 4 рис. Цѣна 10 коп. *

Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался. *Владиміра Львова.* Съ 18 рис. Цѣна 20 коп.

Въ нефтяномъ царствѣ. Очеркъ бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ. *Владиміра Львова* (печатается).

Готовятся къ печати слѣдующіе выпуски.

Цѣна **15** коп.